

ПОДГОТОВКА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ ДЛЯ ШКОЛ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В НАЧАЛЕ XX в. (гендерные предпочтения)

Ольга Борисовна ЛЫНША,

кандидат исторических наук, заведующая кафедрой отечественной истории Уссурийского государственного педагогического института, г. Уссурийск.
E-mail: olynsha@mail.ru

На Дальнем Востоке в начале XX в. в связи с открытием учительской семинарии впервые обсуждался вопрос, кто лучше для сельской школы — учитель или учительница? Участники дискуссии были сторонниками подготовки для школ края учителей-мужчин. Такой подход к решению проблемы был связан с тем, что мужчина смог бы лучше адаптироваться к сложным условиям проживания в дальневосточной деревне начала XX в.

Ключевые слова: учительская семинария, учитель, учительница, народное образование, Дальний Восток, дискуссия.

Training pedagogical personnel for schools of the Far East at the beginning of the 20th c. (gender preference)

O. B. Lynsha. Candidate of Historical Sciences, Ussuriisk State Pedagogical Institute, Ussuriisk.

At the beginning of the 20th century, when inaugurating the teacher's seminary in the Far East, there was discussed the question, which teacher is better for a village school, a man or a woman? The participants of the discussion mainly considered a man-teacher to be better. They said that a man can adapt and fit better to hard conditions of living in a village of the Far East.

Key words: teacher's seminary, man-teacher, woman-teacher, public education.

В начале XX в. на Дальнем Востоке начался быстрый рост начальных школ. Одной из причин этого явления стала помощь государства в организации школьного дела. В XIX в. Министерство народного образования оказывало поддержку, главным образом средним школам (мужским и женским гимназиям, кадетским корпусам, реальным училищам). Организацией начального образования должно было заниматься само население. В силу целого ряда объективных причин местным жителям, особенно сельским, было трудно открывать и поддерживать начальные училища. После того как Министерство народного просвещения стало финансировать строительство школ и заработную плату учителям, происходило срав-

нительно быстрое распространение школ на всей территории Дальнего Востока. Сдерживающим фактором для динамичного развития системы начального образования в крае стала нехватка педагогических кадров. Самые разнообразные условия проживания, пестрота населения (пришлого русское, коренное население, значительное число иностранцев, в первую очередь китайцев и корейцев, военные) делали эту территорию исключительно сложной для школьного строительства. Подготовка педагогических кадров на месте могла сыграть ключевую роль в развитии народного образования.

Открытие Никольск-Уссурийской учительской семинарии вызвало дискуссию, которая представляет интерес спустя сто лет. В центре обсуждения впервые оказался вопрос о том, кто лучше для сельской школы — учитель или учительница? До начала XX в. вопрос о педагогических кадрах для школ Дальнего Востока ставился безотносительно гендерных предпочтений. Нужен был учитель как таковой, человек, способный толково обучать детей.

Подготовка кадров в специальных учебных заведениях на Дальнем Востоке началась в 1900 г. с открытием в Чите мужской учительской семинарии, однако надежды на быстрое решение вопроса было мало. Забайкальская область к этому времени имела до 200 народных школ ведомства народного просвещения, в которых 23% учителей не имели специальной подготовки [1]. Таким образом, Читинская мужская учительская семинария была призвана в первую очередь подготовить педагогические кадры для Забайкальской области. Обеспечение учителями школ Амурской и Приморской областей, о-ва Сахалин также находилось в неудовлетворительном состоянии, так как педагоги начальных училищ часто были без соответствующего образовательного ценза. Проблема решалась отчасти «выпиской» учителей из Европейской России, что оборачивалось значительными затратами для казны. В 1901 г. на эти цели в распоряжение приамурского генерал-губернатора Н. И. Гродекова поступило 4000 руб. На Дальний Восток прибыло 10 учителей приходских училищ (путевые расходы каждого составили по 400 руб.). Кроме высоких материальных затрат практика приглашения учителей имела определённые риски — у вновь прибывших возможны «неудовлетворительные служебные и нравственные качества». Так, из 10 прибывших двое оказались «нетрезвого поведения», один «по слабости здоровья» умер, двое — по окончании обязательного срока службы просились перейти на другие должности [1]. Для казны было выгоднее готовить учителей на месте.

9 сентября 1902 г. Н. И. Гродеков сообщил министру народного просвещения о необходимости открытия в крае педагогического учебного заведения — учительской семинарии. Он полагал открыть учительскую семинарию в Никольске-Уссурийском, поскольку этот город являлся центром крестьянского населения Приморской области и мог дать достаточный контингент учащихся в семинарию. Уровень жизни, или, как говорил Гродеков, «жизненные условия» в Никольске-Уссурийском, были более дешёвыми, чем в других городах края. Кроме того, Никольск-Уссурийский «...как лежащий на линии Уссурийской и Маньчжурской железных

дорог и в 100 верстах от моря, имеет все преимущества в удобствах сообщения с населёнными пунктами Приморской и Амурской областей и острова Сахалин» [1].

Своё ходатайство в Министерство просвещения Гродеков включил в губернаторский отчёт за 1901—1902 гг. 18 июля 1903 г. Николай II на всеподданнейшем отчёте собственноручно написал: «Не мужскую учительскую семинарию, а женскую». И далее приписал: «Полезно было бы и в Европейской России часть мужских учительских семинарий преобразовать в женские. Принять это указание к исполнению» [1].

Царское указание на полях губернаторского отчёта получило резонанс в педагогических кругах — его посчитали «знаменательным». Оно укрепляло позиции педагогов, которые считали, что «важнейшее преимущество женских учительских семинарий пред всеми другими школами, подготавливающими учительниц для народных школ (*автор имеет в виду выпускниц женских гимназий и епархиальных училищ.* — О.Л.) заключается в том, что они должны обучать и воспитывать девиц исключительно из крестьянского сословия». «Учительницы, вышедшие из самых недр народа и затем получившие образование, которое не отвлекало их от важнейших устоев и особенностей народной жизни, будут в деревне наиболее желательными и достойными распространительницами добрых нравов и полезных начальных знаний» [2, с. 127]. Автор статьи приходит к оптимистическому заключению — «...мы накануне учреждения женских учительских семинарий; вероятно, они будут открываться ежегодно».

На Дальнем Востоке на дело подготовки педагогов для начальной школы смотрели иначе. Никто не возражал против открытия семинарии в Никольске-Уссурийском. Вопрос заключался в том, какой она должна быть — мужской, женской или смешанной. В 1903 г. Министерство финансов согласилось отпускать из казны средства (31 300 руб. в год) на содержание Никольск-Уссурийской учительской семинарии. Министр народного просвещения Г.Э. Зенгер 20 октября 1903 г. срочно телеграммой запросил у приамурского генерал-губернатора Н.П. Линевича отзыв «о желательности устройства женской семинарии» [3]. Окружной инспектор школ Приамурского края В.П. Маргаритов подготовил для Н.П. Линевича служебную записку, в которой обосновал необходимость открытия мужской семинарии. Доклад Маргаритова интересен тем, что впервые сравнивалось положение учителей и учительниц Приамурского края. Окружной инспектор был вполне согласен с тем, что женская учительская семинария как новый тип профессионального учебного заведения весьма желательна. В деле образования, особенно детского воспитания, «...труд учительницы в силу самой природы женщины, имеет много преимуществ перед трудом учителя». Но... краю нужна мужская семинария.

Аргументы Маргаритова звучали весьма убедительно. 1. Спрос на образованных женщин на Дальнем Востоке настолько велик, а условия городской жизни настолько лучше, чем в селе, что она всегда найдёт себе занятие в городе. И жизнь городскую предпочтёт жизни среди далеко ещё не обустроившихся крестьян. 2. Крестьяне всегда просили дать им учителя как «менее взыскательного к житейским требованиям». 3. В сельских шко-

лах Министерства народного просвещения в Приморской и Амурской областях в 1899 г. было 15 учительниц, в 1903 г. осталось только трое. Все они ежегодно осаждали учебное начальство просьбами перевести их в город. 4. Всего во всех школах, всех типов в Приамурском крае насчитывалось более 100 учительниц. Большая часть из них проживала в сёлах не ради школы, а по другим причинам: у одних отцы служили в сёлах, у других — мужья. 5. Из приамурских женских гимназий ежегодно выпускалось до 30 воспитанниц с правами домашних и сельских учительниц. Из них только 5 работали в сельских школах, остальные занимались перепиской бумаг по разным канцеляриям или числились кандидатками на учительские должности в городах, дожидаясь места по 2—3 года [РГИА ДВ. Л. 38—38 об.].

Маргаритов заключает, что желательна мужская семинария: учитель менее взыскателен к жизни, всегда может обзавестись собственным хозяйством. Кроме того, учителя пользовались правами службы. Тех, кто воспитывался в учебных заведениях за государственный счёт, всегда можно было обязать отбывать службу по назначению начальства. Всё это неприменимо к женщинам-учительницам.

После этой записки Н.П. Линевиц оказался в сложном положении. Сверху прямо указывали открыть женскую учительскую семинарию, но объективные условия дальневосточной жизни, по мнению руководителя школьного дела в крае, требовали учителя-мужчину. Генерал-губернатор, уклоняясь от министерского запроса, нашёл выход: в ответной телеграмме он сообщил в Петербург, что «вопрос об открытии мужской или женской семинарии в Никольске-Уссурийском передан на усмотрение наместника Его Императорского Величества на Дальнем Востоке» [3. РГИА. Л. 18].

Можно предположить, что из-за проволочки с ответом о желательности женской семинарии был упущен шанс включить в смету Министерства образования на 1904 г. кредит на Никольскую семинарию, в результате произошла задержка с её открытием на несколько лет. Царский наместник на Дальнем Востоке адмирал Е.И. Алексеев, соглашаясь с доводами приамурского генерал-губернатора, признал «...соответственным ходатайствовать об учреждении в Никольске-Уссурийском смешанной учительской семинарии мужской и женской». Заручившись поддержкой наместника, 19 января 1904 г. окружной инспектор училищ В.П. Маргаритов отправил в Министерство просвещения телеграмму об учреждении в Никольске-Уссурийском смешанной семинарии. Но министерство «...не признало возможным принять предложение г. наместника Его Императорского Величества на Дальнем Востоке» и желало иметь «соображения» по вопросу открытия в Никольске-Уссурийском женской семинарии. Н.П. Линевиц стоял на своём: «...учредить в Никольске-Уссурийском смешанную учительскую семинарию — мужскую и женскую, соответствующую местным условиям. Подтверждая вновь, что подобного типа семинария будет вполне отвечать нуждам местного учебного дела».

19 июня 1904 г. Министерство народного просвещения вновь указало окружному инспектору, что «в названном городе должна быть открыта именно женская семинария, а не какая-либо другая». «Что же касается открытия учительской семинарии смешанного типа, то ввиду того, что

таковой тип не узаконен, Министерство как не признавало возможным удовлетворять и ранее возникавшие ходатайства об учреждении таких семинарий, так и равно не находит законных оснований к изменению своего убеждения и в настоящее время» [РГИА. Л. 19, 21—25].

Несмотря на эти категорические директивы из Центра, Н.П. Линевиц попытался ещё раз, опираясь на мнение местных чиновников и педагогов, обосновать необходимость открытия смешанной семинарии. По этому вопросу в Никольске-Уссурийском в сентябре 1904 г. прошло совещание, в котором приняли участие высшие чиновники Приморской области: военный губернатор А.М. Колюбакин, вице-губернатор Я.П. Омельянович-Павленко, начальник Южно-Уссурийского округа К.С. Васильев; педагоги представлены окружным инспектором Приамурского края В.П. Маргаритовым, специально приехавшим из Хабаровска, инспектором народных училищ Приморской области В.М. Даниловым, председателем Никольск-Уссурийского отделения Епархиального училищного совета протоиереем Павлом Мичуриным, инспекторами Никольск-Уссурийских городского и ремесленного училищ Г.К. Родиным и К.М. Прокофьевым, также участвовал в заседании никольский городской староста В.А. Калинин.

Во время подготовки совещания были опрошены крестьянские начальники Приморской области и чиновники, имевшие большой опыт работы на Дальнем Востоке. В целом они высказались за открытие мужской или, в крайнем случае, смешанной семинарии. Анадырский уездный врач Николай Кирилов, известный на Дальнем Востоке общественный деятель, в своей докладной записке отметил, что для северной части области мало шансов удержать в глуши образованную девушку, к тому же коренное население предпочитало учителей-мужчин. Н.В. Кирилов писал, что «учительнице едва ли удастся сохранить надлежащий такт и авторитет в глазах невежественного населения и даже учеников, тем более что возраст последних на севере области, вероятно, окажется на первых порах значительно выше, чем в Уссурийском крае, так как зимние работы там не отвлекают подростков 15 лет и старше» [РГИА ДВ. Л. 19—20]. Он предлагал «...командировать в Никольск-Уссурийскую семинарию способных мальчиков, но не девочек». Ожидать появления девочек в учительской семинарии можно будет лишь тогда, когда произойдёт «...облегчение сношения севера с центром области». Н.В. Кирилов посчитал необходимым коснуться содержания обучения в учительской семинарии. Поскольку среди населения севера получили распространение английские слова, то педагогический персонал для северных школ должен был владеть основами английской речи, поэтому в учительской семинарии следовало изучать английский язык. Кроме того, в семинарии необходимо было ввести «...хотя бы элементарное ознакомление с наречиями и особенностями быта наших окраинных инородцев».

В рапорте помощника начальника Командорских островов С.М. Леха указывалось, что «северные уезды нуждаются в хороших школах, а главное в хороших учителях». В большинстве школ не было учителей с педагогической подготовкой, учительские должности занимали «...совершен-

но малограмотные местные уроженцы, почерпнувшие грамоту от таких же полуграмотных учителей». Для чиновника было «...принципиально безразлично, кто будет в школе учитель или учительница, если только они исполняют свою работу добросовестно». Однако «...сможет ли одинокая женщина без вреда для себя и дела жить в тяжёлых условиях, которые присущи забытым северным углам». Прослужив на северо-востоке области пять лет, Станислав Лех пришёл к «...категорическому выводу — нет, не сможет, в будущей учительской семинарии должны обучаться учителя, так как учительницы для севера не пригодны» [РГИА ДВ. Л. 21—22].

Крестьянский начальник Верхне-Уссурийского участка А.А. Варпаховский, имея шестилетний опыт работы в Южно-Уссурийском крае в качестве чиновника переселенческого управления, хорошо знал его проблемы, в том числе и школьные [4, с. 120]. Он пишет в своём рапорте, что краю «...необходимы учителя для школ русских, так и корейских и инородческого населения». В 1902—1903 г. из Осиновской министерской двухклассной школы поступило в Иркутскую учительскую семинарию 5 учеников [РГИА ДВ. Л. 15]. А.А. Варпаховский высказался за открытие смешанной семинарии.

Только П.И. Шрамков, начальник Посьетского участка, и В.В. Солярский отдали предпочтение женской учительской семинарии. Пётр Иванович Шрамков на должности крестьянского начальника находился с 1902 г., службу проходил в Удском уезде (нижнее течение р. Амура). В Южно-Уссурийский край на должность начальника Посьетского участка он прибыл в мае 1904 г. [4, с. 204—205]. Опираясь на собранные сведения, он пришёл к выводу, что для сельских школ лучше учительницы, чем учителя. «Учительница более чутко и внимательно относится к своим воспитанникам, добросовестнее исполняет свои обязанности, а главное, сильнее привязана к месту служения, чем учителя. При сравнительно малом числе в крае образованных людей и заметном спросе на них, для учителя всегда является искушением бросить скудно оплачиваемую педагогическую деятельность и перейти на какую-либо другую, более прибыльную службу» [РГИА ДВ. Л. 14]. Будучи сторонником открытия в крае женской учительской семинарии, чиновник видел объективное препятствие для осуществления этого проекта в отсутствии соответствующим образом подготовленных девушек. Для поступления в семинарию необходимо было окончить двухклассное сельское училище. На Посьетском участке, население которого состояло в основном из корейцев, двухклассных школ было две и обе мужские (в Янчихе и Адими). Предстояло сначала открыть несколько женских двухклассных училищ, а затем уже женскую учительскую семинарию. Стоит привести мнение Н.В. Кирилова о том, что «трудно ожидать, чтобы к учительнице направляли для обучения детей-мальчиков корейцы» [РГИА ДВ. Л. 14—14 об., 19]. Действительно, за весь период существования школ у корейских переселенцев (начиная с 1868 г.) только один раз на должность учительницы была приглашена женщина Александра Семёновна Боброва, кореянка, получившая образование в Санкт-Петербурге. Служение её было недолгим, всего два года (1891—1893 гг.) [5].

В.В. Солярский, крестьянский начальник Ханкайского участка Южно-Уссурийского уезда, находился в этой должности с 1902 г., ранее служил в Западной Сибири [4, с. 187]. Во всех школах Ханкайского участка (5 одноклассных училищ Министерства народного просвещения и 6 церковно-приходских) работали учителя-мужчины (всего 14 чел.). Только в Григорьевской школе преподавала учительница [3. РГИА ДВ. Л. 17]. Это была Лидия Васильевна Ляторовская. В 1899 г. она получила благодарность приамурского генерал-губернатора Н.И. Гродекова «за отличное состояние учебной части Григорьевской школы» [6]. Владимир Солярский тоже высоко оценивал Л.В. Ляторовскую: «Единственная на участке учительница в Григорьевской школе резко выделяется от всех учителей широким развитием, любовью к делу, умением и опытностью в преподавании и энергией. Помимо занятий с двумя сменами учеников в течение целого дня в минувшем году, она находила возможным для себя и в праздничные дни часто устраивать в школе народные чтения, чего со стороны учителей-мужчин отметить нельзя» [3. РГИА ДВ. Л. 17]. В.В. Солярский, как и П.И. Шрамков, отдаёт предпочтение открытию женской семинарии с теми же оговорками, что и его товарищ по службе: «В семинарию будут стремиться мужчины, девиц — 3—5 в год. Если не будет стипендии при семинарии, то в неё будут поступать в первое время только дочери наиболее зажиточных крестьян».

Итак, за открытие женской учительской семинарии высказались два крестьянских начальника, имевших небольшой срок службы на Дальнем Востоке. Их мнение основывалось либо на общем убеждении, что «учительница более чутко и внимательно относится к своим воспитанникам», либо на примере работы одной педагогически одарённой учительницы. Большинство непосредственных участников совещания в Никольске-Уссурийском в сентябре 1904 г. высказались за открытие мужской семинарии, или, если не разрешат, то смешанной. В.П. Маргаритов и отец Павел Мичурин — сторонники открытия мужской семинарии. Из всех участников совещания они были наиболее компетентными людьми в школьном вопросе.

В.П. Маргаритов начинал службу на Дальнем Востоке в 1880 г. чиновником особых поручений, с 1881 г. работал преподавателем Владивостокской мужской гимназии [7]. В 1894 г. на Дальнем Востоке учредили должность окружного инспектора училищ Приамурского края. Первым исполнять обязанности организатора школьного дела на востоке страны был назначен Василий Петрович. П.С. Мичурин — старожил Южно-Уссурийского края, с 1884 г. служил приходским священником в с. Никольском, в 1892—1902 гг. был епархиальным наблюдателем церковноприходских школ в Южно-Уссурийском крае. Благодаря его активной деятельности произошёл быстрый рост церковноприходских училищ по всей территории края [8]. Поддерживая В.П. Маргаритова, отец Павел считал, что «по ненадёжности учительниц к пребыванию в селениях с педагогической целью», необходимо открыть мужскую учительскую семинарию [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Л. 42—42 об.].

Остальные участники совещания с разными оговорками — «...при невозможности учреждения исключительно мужской семинарии учредить смешанный тип» (К. М. Прокофьев, Г. К. Родин, К. С. Васильев), «...исключительно мужскую, в крайнем случае, смешанную» (В. М. Данилов), «...рассчитывать на открытие исключительно мужской очень трудно, почему желательно бы учредить смешанную с тем, чтобы в ней преобладали мужчины» (Я. П. Омелянович-Павленко) — высказались за смешанную семинарию. Единственный участник совещания, никольский городской староста В. А. Калинин, выступил за открытие женской семинарии, поскольку такое решение было уже одобрено в Петербурге.

Итоги подвёл военный губернатор Приморской области генерал-майор А. М. Колюбакин: «Надо отдать безусловное предпочтение женской учительской деятельности перед мужской и необходимо стремиться к скорейшей и, возможно, полной передаче дела народного образования в руки учительниц, а потому женская учительская семинария является более желательной, если не для всей области, то для Южно-Уссурийского края. Принимая, однако, во внимание, что в настоящее время почти совершенно отсутствует контингент девушек с достаточной подготовкой для поступления в женскую семинарию, нужно озаботиться более широким развитием в крае женских двухклассных училищ» [РГИА ДВ. Ф. 1. Л. 42 об.—43]. Губернатор предложил участникам совещания ходатайствовать об открытии женской учительской семинарии, но «...с допуском в неё на несколько лет и молодых людей, т. е. семинарию смешанного типа, только на время, на 8—9 лет». Таким образом, А. М. Колюбакин фактически поддержал открытие смешанного типа учительской семинарии как паллиативную меру в решении вопроса подготовки педагогических кадров на местах.

Отдавая предпочтение учительницам «...в сравнительно густо населённом и более культурном Южно-Уссурийском крае», губернатор считал, что для шести северных уездов области по географическим и бытовым условиям, по составу населения (преобладание инородцев) учительницы малопригодны. Необходимо ходатайствовать об открытии ещё одной учительской семинарии в Хабаровске или Николаевске-на Амуре — «...полурусской, полуинородческой и исключительно мужской» [РГИА ДВ. Ф. 1. Л. 43].

Дебаты на местах о типе будущей учительской семинарии так ни к чему и не привели. Министерство народного просвещения строго придерживалось высочайшего указания открыть женскую учительскую семинарию. События русско-японской войны, а также «затруднительное положение государственного казначейства» задержали открытие женской семинарии в Никольске-Уссурийском ещё на несколько лет.

П. Ф. Унтербергер 5 июля 1906 г. писал в Министерство просвещения: «Приамурский край не может идти навстречу желанию правительства ввести всеобщее обучение, так как школы его очень часто и подолгу не функционируют за отсутствием лиц, могущих взять на себя обязанности учителя. Подтверждая вновь ходатайство генерала Гродекова и следуя указанию Его Императорского Величества, изъявившего милостивое соизволение на

открытие не мужской, а женской семинарии, покорнейше прошу открыть на средства казны в Никольске-Уссурийском женскую учительскую семинарию» [З. РГИА. Л. 25—25 об., 26]. Так, наконец, приамурский генерал-губернатор прямо заявил о согласии открыть женскую семинарию. В ответ на это обращение 20 сентября 1906 г. министр просвещения Т.П. фон Кауфман уведомил генерал-губернатора, что хотя и признавал необходимым открытие «означенной семинарии», но ходатайствовать об отпуске средств «...при нынешних обстоятельствах считал безнадёжным». Долгожданное открытие женской учительской семинарии в Никольске-Уссурийском состоялось в 1909 г. Было в этой задержке одно объективное оправдание — за это время в Южно-Уссурийском крае открылись двухклассные школы и появилось первое поколение сельских девочек, имевших право поступления в средние учебные заведения.

В 1910 г. из 92 российских учительских семинарий только 8 были женскими. Очевидное преобладание мужских педагогических учебных заведений вполне проявилось в последующие годы и на Дальнем Востоке. Сменивший П.Ф. Унтербергера на посту приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти ходатайствовал в 1912 г. об открытии двух мужских семинарий [З. РГИА. Оп. 179. Л. 3—3 об.]. В 1913 г. в Благовещенске (Амурская область) и в 1914 г. в Спасске (Приморская область) открылись мужские учительские семинарии. Интересно отметить, что к этому времени число учительниц значительно возросло. Например, в 1912 г. в школах Благовещенска трудились 69 педагогов — 16 учителей и 53 учительницы [З. РГИА. Оп. 179. Л. 8 об.]. Очевидна необходимость в женском педагогическом образовании, однако в 1914 г. в Хабаровске, центре приамурского генерал-губернаторства, вновь открылось мужское педагогическое учебное заведение — учительский институт.

После победы советской власти в России перестали существовать отдельные учебные заведения для мужчин и женщин. В 1923 г. Никольск-Уссурийская женская учительская семинария, преобразованная новой властью в педагогический техникум, станет смешанной по составу учащихся.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. РГИА ДВ (Российский гос. ист. арх. Дальнего Востока). Ф. 1. Оп. 2. Д. 1677. Л. 35—35 об., 37, 38—38 об.
2. Анастасиев С. Народные учительницы (улучшение их жизни и образовательной подготовки) // Журнал Министерства народного просвещения. Санкт-Петербург, 1905. Октябрь, ч. 361.
3. РГИА ДВ. Ф. 733. Оп. 172. Д. 2127. Л. 14, 17.
4. Дальний Восток России: из истории системы управления: Док. и материалы. Владивосток, 1999. С. 120, 187, 204—205.
5. Лынша О.Б. Роль органов корейского самоуправления Южно-Уссурийского округа в школьном строительстве в конце XIX века // The Onji Studies. Vol. XIX. Seoul. 2008. № 5. P. 291.
6. Приамур. ведомости. Хабаровск, 1899. 8 мая.
7. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2459, 4744, 4745, 5896.
8. Владивосток. епархиальные ведомости. 1903. № 23. С. 519.